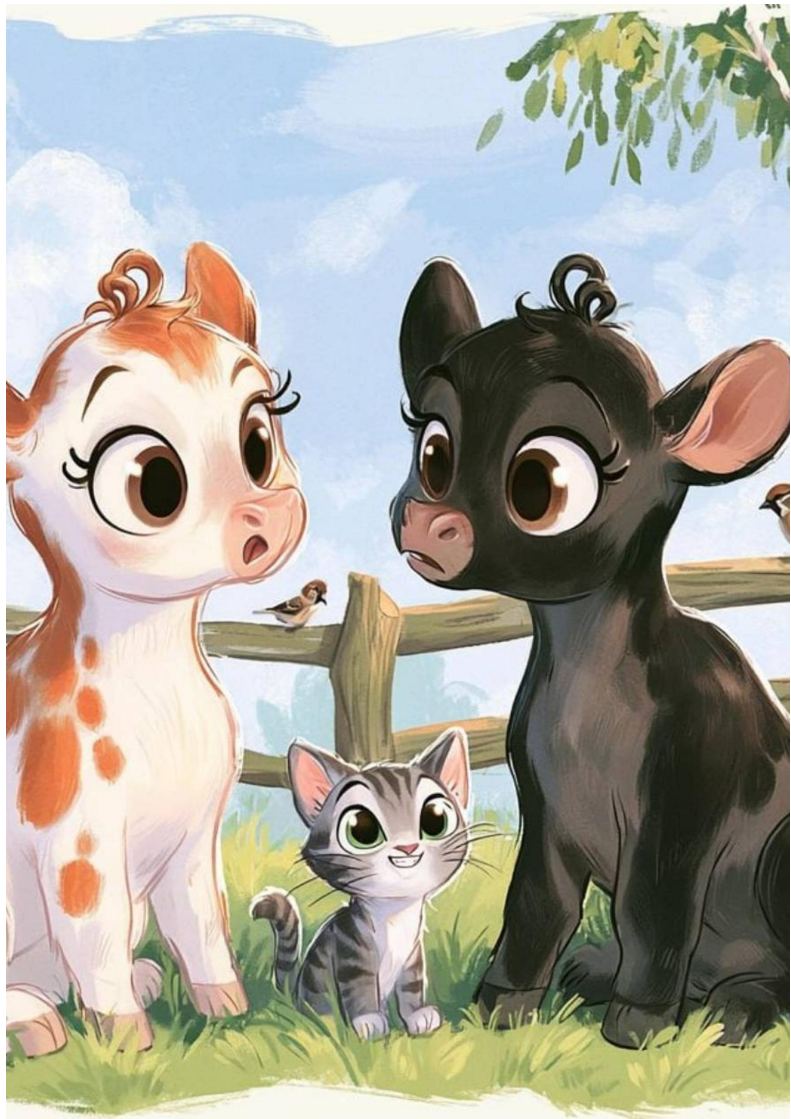

Лилия Трубицина

Телячьи нежности

<https://litres.ru/74507239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — о настоящей дружбе, которая лечит душу и делает каждый день ярче. Дружбе, которая связывает телят и котёнка, кошку и гуся, курицу и поросёнка, детей и всех обитателей небольшой семейной фермы.

Действие происходит в наши дни, в маленьком посёлке Дальнего Востока Турмалин. Главная героиня — добрая хозяйка фермы Надежда Матвеевна. Её подопечные — тёлочки Ночка и Зорька, озорной котёнок Кыш, его одноглазая мама Ляля, минипиг Пик, пёс Верный и многие другие.

Животные постоянно озорничают и попадают в смешные ситуации. То Кыш убедит маленьких коров, что они — котята, и заставит их лезть на дерево. То они все вместе научатся играть в «Прятки» и снова набедокурят. То бурёнки решат, что им срочно нужны ветвистые рога, и добавят хозяйке хлопот. Но добродушная Матвеевна балует своих подопечных любовью, заботой и прощает им все проказы.

Эта сказка — о том, что дружба способна согреть даже в самые серые осенние дни и помочь тогда, когда надежды, казалось бы, уже нет.

Лилия Трубицина

Телячьи нежности

Телячьи нежности

На востоке самой большой страны, недалеко от величественной реки Амур, между сопок затаился уютный посёлок Турмалин. Здесь сопки осенью укрываются расписными одеялами, зимой становятся серыми и вместе со всеми тоскуют по весенней зелени и летним нарядам.

Местная ребятня летом ходит купаться на большой ручей, бегают в лес за жимолостью, земляникой и дикой малиной. Каждый старается улизнуть из дома пораньше и вернуться к темноте, чтобы не пропалывать ненавистные грядки на огороде. Куда лучше гулять с друзьями босиком по раскалившейся от солнца бетонной дороге, строить шалаш и жарить на веточках прихваченный из дома хлеб.

Дома́ в Турмалине встречаются разные: высокие многоквартирные и частные. Владельцы последних держат свой огород и небольшое хозяйство. Но и живущие в квартирах обзавелись хотя бы одной грядкой под картошку или курочкой-несушкой. Так что практически у каждой семьи в Турмалине есть своя скромная ферма и маленький земельный участок. И на одной такой ферме каждый день происходит что-то интересное.

Мур-му

– Пора! – сказала Матвеевна, выглянув в окно. С улицы ей подмигнул первый тёплый день мая. Солнце разбудило светло-зелёную траву и листья. Зелень отряхнулась от утренней росы и начала потягиваться после сна. Солнце поцеловало Матвеевну, и она зажмурилась от удовольствия.

Каждое утро на ферме было очень суетным. Куры сварливо клевали пшено, поросята наперегонки ели кашу, охрипший петух Вереск пытался перекричать всю деревню, шипя,

как сдувающийся шарик. Воробьи хором смеялись над петухом и передразнивали его своим звонким многоголосым чирканьем. Но в один момент время замедлилось: хрюканье, свист, кудахтанье – всё затихло, как по щелчку. Животные и птицы устремили свой взгляд в сторону открывающихся ворот сарая. Сегодня Матвеевна выпускала телят знакомиться со всем миром. Маленькие Зорька и Ночка впервые отлучались от своих мам.

– Не смей малюток пугать! – пригрозила Матвеевна петуху, который уже набрал полную грудь воздуха, чтобы издать очередное «кхэ-кхэ-кхэ-фью».

Воробьи хором рассмеялись, увидев выпученные глаза Вереска, который не знал, куда теперь девать набранный в грудь воздух. Матвеевна легонько похлопывала телят по спине, давая понять, что она рядом и не даст их в обиду.

– Заходите, крошки, – приглашала она телят в открытый загон, где местами уже тянулась к солнышку сочная травка. – Гуляйте. Дальше сами разберётесь, что вам делать.

Матвеевна оставила телят в загоне и ушла в сарай кормить взрослых коров.

Долгожданные телята родились неделю назад: белая с большими пятнами-конопушками Зорька и чёрная, как самая безлунная ночь, Ночка. В остальном они были похожи: розовые влажные носы, пахнущие молоком, большие испуганные глаза, непослушные хвосты, смешные торчащие уши. Они принюхивались к аппетитному запаху свежей травы и

ещё не понимали, почему он им так нравится.

Первым знакомиться прибежал любопытный котёнок Кыш:

– Привет! Это вы те малыши, о которых вся ферма говорит? Вы кто – котята?

– Мы... Мы не знаем, кто мы. Я Зорька, она – Ночка. Это значит, что мы котята?

Кыш не ожидал, что эти котята так громко мяукают. Он отскочил назад и распушил хвост.

– Ой! Видели, какой я смелый? Вы такие большие котята, а я и не испугался вовсе. Поэтому буду вашим вождём!

– А мы точно котята? – решила уточнить Ночка.

– Вас мамы молоком кормят?

– Да! – дружно промычали телята.

– И меня. Они вас своими языками умывают?

– Да, – снова дружно ответили Ночка и Зорька.

– И меня. Всё сходится! Вы тоже котята. Только вы девочки, а я – мальчик.

Сидящие на заборе воробьи разразились чириканьем: маленький Кыш их очень рассмешил. Им было интересно, что же будут делать эти кототелята во главе с мужественным трусишкой Кышем.

Запах травы наконец пробудил в телятах зверский аппетит, и они принялись жадно пробовать нежную зелень. Увлечённый ловлей мухи Кыш уже было забыл про своих названных сородичей, но вдруг увидел, что телята жуют траву.

– Вы что делаете? Вы же хищники! Охотники! Бросайте эту траву, я научу вас охотиться.

Телята послушно оторвались от аппетитного лакомства и последовали за своим полководцем.

– Начинаем с самого лёгкого – гусеницы.

Кыш нашёл неспешно ползущую толстую зелёную гусеницу и начал учить новоявленных котят.

Он растопырил усы и распушил хвост.

– Вы должны напугать добычу. Повторяйте за мной.

У Зорьки и Ночки не было таких усов и шерсти, топорщить и пушить им было нечего. Но они старались – так, что Зорька от этих стараний громко чихнула. Кыш от испуга подпрыгнул на месте, перекувырнулся в воздухе, разогнал-ся и взлетел на подвернувшуюся берёзу. Довольная гусеница свернулась клубочком, и её уже было не разглядеть в траве.

– Зорька! Я же сказал напугать добычу, а не вожака стаи. Ладно. Потом поохотимся. Пока я тут сижу, научу вас забираться на деревья и аккуратно спускаться с них. Посмотрите на свои лапы. Там, между розовых подушечек, спрятаны опасные острые когти. Они-то и помогут вам с лёгкостью забраться на самое высокое дерево.

Телята слушали Кыша и с интересом рассматривали свои копыта. Ни мягких подушечек, ни острых когтей не было. Ночка постучала копытцем по земле – и даже теперь кошачьи когти не появились. Но если у котёнка Кыша получилось легко залезть на дерево, значит кошечки Зорька и Ноч-

ка немного потренируются и тоже залезут. И Ночка пошла пробовать первой.

Она подошла к дереву, наставила заднее копыто на него и попыталась зацепиться когтем. Но ничего не получилось, потому что Зорька и Ночка – маленькие телята, которые решили, что они котята. Ночка попыталась ещё и в этот раз упёрлась в берёзу передним копытом.

– Зорька, ей нужно помочь! – крикнул Кыш и перепрыгнул с дерева на спину Ночке. – Подтолкни её сзади, а я ей тут помогу.

Зорька подошла к подруге и начала легонько головой подталкивать её сзади. Кыш в это время упёрся головой в Ночкину спину и изо всех сил пытался придать бурёнке ускорение для подъёма на дерево. Ночка стала терять равновесие и от испуга жалобно замычала. Её зов слышала Матвеевна, которая неподалёку собирала у кур яйца. Она посмотрела туда, откуда исходило протяжное «му-у-у», и увидела интересную картину. Чёрная тёлочка упёрлась передним копытом в берёзу, сзади её будто подталкивает тёлочка с рыжими пятнами, а на Ночке сидит хулиган Кыш, уткнувшись головой в её спину. То ли они хотят дерево повалить, то ли вскарабкаться на него. Матвеевна решила потом додумать свою мысль и, с неполным ведром яиц, бросилась на помощь своим хвостатым детям.

Возможно, не все знают, но на деревенских домашних фермах нет асфальта. Вместо него трава, земля, грязь; ме-

стами тропинки выложены досками или посыпаны песком. По ферме лучше ходить в резиновых сапогах. Так чище и комфортнее. Но не всегда безопаснее. И вот почему.

Матвеевна так напугалась за этих глупышей, что со всех ног побежала им помогать, ведь они могли покалечиться. И так она разогналась, что её левая нога выскочила из сапога. И тут будто кто-то включил замедленную съёмку. Матвеевна ногой без сапога шагает в грязь, и, чтобы не упасть, расставляет руки в стороны, взмахивает ими по-птичьи. Из рук вырывается ведёрко с яйцами и взлетает до самой верхушки дерева. Яйца праздничным салютом тоже взмывают в небо. Удержаться на ногах не получается, и Матвеевна хватается за первое, что встретилось на пути – раскорячившуюся возле дерева Ночку. Хозяйка обнимает бурёнку за шею и вместе со всей телячье-кошачьей конструкцией элегантно падает в самую красивую лужу с самой густой грязью. Следом, отключив режим замедления, с лёгким «тюк-тюк-тюк» приземлились яйца. И приземлились туда, куда им указала сила земного притяжения – на головы Ночки, Зорьки и Матвеевны. Кыш оказался везунчиком, и на него не упало ни одного яйца – его накрыло рухнувшим с высоты ведром.

Секунда, вторая, третья... Матвеевна прислушалась к своим ощущениям: «Вроде цела». Она посмотрела на телят и поняла, что они тоже в порядке. Потом увидела свою ногу в носке из грязи, мяукающее ведро, растерянных телят, у которых с макушек стекали разбитые яйца. Нащупала у себя

на голове выпуклый желток, сделала вдох и... начала громко, от всей души смеяться. Телята поднялись из лужи и с нежностью посмотрели на свою хозяйку. От неё пахло добром, любовью и свежими яйцами. Зорька легонько толкнула Матвеевну в спину, а Ночка аккуратно лизнула щёку, по которой медленной каплей стекал яичный белок.

– Хо-хо-хороший из меня спасатель? А, девочки? – еле справляясь со смехом, спросила Матвеевна телят. – Пойдёмте отмываться, бандиты.

Отмываться!

Весна хохотала звонкими птичьими голосами, шелестом крыльев бабочек, россыпью конопушек на носсах ребятни. Зелень на деревьях была такой сочной и ароматной, что хотелось ладошкой провести по макушкам и плеснуть этой красоты в чашку, к завтраку. Но мы с вами знаем, что лучше всего эту красоту пить глазами и щуриться от удовольствия.

Вся команда грязевых купальщиков пришла отмываться во двор, к бочкам. Время шло к обеду, вода в них успела немного прогреться, и Зорька с Ночкой с благодарностью подставляли свои бока под щётку и струю воды из ковшика. Сбегавшие с них грязные ручейки исчезали между досок деревянного настила. Кыш сидел рядом на лавочке и с удивлением смотрел на спокойно купающихся котят. Он почему-то был уверен, что водные процедуры ему не грозят, а мама Ляля вполне справится языком с этой засохшей коркой грязи.

– Ох, вы мои хорошие! – поливала спины телят Матвеевна и любовалась мычащими подружками. – Сейчас вас помою, а потом и за этого ободранца возьмусь. Боюсь, он-то не будет так послушно бока подставлять.

И вот дело дошло до Кыша. Матвеевна взяла его за шкуру и по шею окунула в ведро. Котёнок был поражён этой дерзостью и не сразу понял, что с ним происходит. А пока он соображал, Матвеевна успела намылить его слипшуюся шерсть.

– Помогите! Ночка, Зорька, спасите меня! Вы же мои братья! Или сёстры. Неважно. Спа-си-те! – жалобно мяукал Кыш.

Тёлочки не понимали, почему нужно помогать Кышу, ведь им самим так понравилось отмываться. Они не знали, что далеко не все коты любят купаться. И они, Зорька и Ночка, как уважающие себя котята не должны были получать удовольствие от водных процедур.

– Почему не помогаете? Я уже весь мокрый, нельзя же так с котятами! – не унимался Кыш. И не терял надежды, что опекаемые им котята избавят его от этого ужаса.

Телята были совсем маленькие и не очень-то представляли, как нужно спасать друзей. Но Зорька решила предпринять хоть что-нибудь. Она легонько толкнула мордой Матвееву в левое плечо, отчего скользкий от пены Кыш как мыло выскочил из рук хозяйки и бросился наутёк.

«Я хищник, у меня есть опасные острые когти! Они мне помогут», – подумал Кыш, оттолкнулся от пола и начал карабкаться по стене дома. «Думаю достаточно. Тут ей до меня не добраться. Дождусь темноты и под её покровом покину место, где со мной так неуважительно и мокро обращаются».

Пока уставший котёнок висел на стене дома, Матвеевна из-за угла наблюдала за беглецом и ждала, когда этот фрукт созреет и сам упадёт. Долго ждать не пришлось. Силы стали покидать лапы хищника, и он, неуклюже пятясь, слез со стены. Тут его и перехватила Матвеевна. Она ловко ополоснула

котёнка и пустила к его подругам обсыхать на солнышке.

Телята с удовольствием подставляли свои бока и мордочки щекочущим лучам, пока обиженный Кыш вылизывался и устранил недочеты небрежной помывки.

– А вы сего не вылизываетесь? – прошепелявил котёнок, вытягивая розовым колючим языком свою шерсть.

– Мы не умеем. Наши мамы никогда так не умывались и нас не учили. Они нам только хохолки языком приглаживают.

– Как вам повезло, что у вас есть я! Покажите языки, – деловито попросил Кыш. – Вот, языки на месте. Значит вы должны уметь мыться по-кошачьему, как я. Повторяйте за мной.

Кыш сел, вытянул заднюю лапку вверх и с лёгкостью начал языком-щёткой расчёсывать шерсть. Ночка сразу поняла, что она и ногу-то свою так вытянуть не сможет, куда уж там повторить за учителем?! Зорька внимательно наблюдала за котёнком и с глупым видом повторяла движения языком, вылизывая воздух.

– Поняли? Кто первый? Ночка, давай ты!

Ночка села и потянулась языком к своим кошачье-телячьим лапокопытам, но из-за отсутствия кошачьей гибкости у неё всё получилось неправильно. Со стороны казалось, что бурёнка скрючилась и подёргивает задней ногой, пытаясь за чем-то задрать её выше головы.

– Ты совсем не стараешься, Ночка! Но не могу же я вас такими растрёпами оставить... Сейчас позову свою маму! На первый раз она вас вылизет. И объяснит, как это делать.

Кыш подбежал к крыльцу и замяукал: «Мам, помоги!» Из маленького окошка в нижней части двери неторопливо выбралась красивая пушистая кошка с одним глазом – Ляля, мама Кыша. Несмотря на отсутствие второго глаза, Ляля была любимицей хозяйки, всех друзей Матвеевны и животных на домашней ферме.

– Что за красивый котёнок меня звал? – Ляля улыбнулась единственным глазом и села рядом с сыном.

Котёнок посмотрел на Ночку с Зорькой и решил, что самый красивый котёнок тут он.

– Так это я тебя звал! Мама, я подружился с новыми котятками с нашей фермы. Но мамы-кошки ничему их не научили: ни охотиться, ни карабкаться по деревьям, ни мыться по кошачьему. Я уже устал знакомить их с кошачьими повадками. Помоги их вылизать, а то они так и будут лохматыми ходить.

Ляля внимательно слушала сына и очень удивлялась. Ни про каких новых котят она не знала. Телята – да, вот они. Про них весь двор знает. А о котятах она впервые слышала.

– Конечно, давай поможем. Показывай, где они спрятались?

– Так вот же они, – кивнул Кыш на Ночку и Зорьку.

Ляля встала и по-гусиному вытянула шею, чтобы за телятами рассмотреть двух лохматых котят. Она вплотную приблизилась к Кышу и сосредоточенно посмотрела на него, чтобы убедиться: её не разыгрывают. Но сын был как никогда серьёзен и чем-то озабочен.

– Кыш, котёнок мой, но я не вижу твоих друзей. Они за телятами прячутся?

– За какими телятами? – пробормотал Кыш и повернулся к бурёнкам.

Те тоже обернулись, чтобы увидеть телят, о которых го-

ворила кошка.

– За чёрной Ночкой и Зорькой с рыжими пятнами. Они – телята, дочери моих подруг Вишни и Яшмы.

– Вы – телята? И вы всё это время молчали? – обиделся Кыш.

– Мы же маленькие. Мы ещё сами не поняли, кто мы, – обеспокоенно замычали Зорька и Ночка. – Ты теперь не хочешь быть нашим другом, Кыш?

Кыш повернулся к телятам спиной, лизнул лапку и пару раз задумчиво протёр ею мордочку. Тут его пушистую голову посетила одна важная мысль – и его усы встопорщились от улыбки. Он подошёл к Ночке и Зорьке и замурлыкал:

– Ну что за глупости вы говорите? Конечно, я буду вашим другом! Самым лучшим, самым сильным. Я буду вас ото всех защищать, мои малыши!

Ночка и Зорька с двух сторон нежно толкнули его своими мокрыми носами.

– Ну, ещё кто кого будет защищать, – улыбнулась Ляля и погрузилась в озеро воспоминаний.

Я вижу тебя

Кошка усадила вокруг себя Ночку, Зорьку, Кыша. Пёс Верный, поняв, что его подруга собирается рассказывать что-то интересное, высунул голову из будки. Ляля увидела, что слушатели готовы, и начала.

«Я тогда была ещё молодой кошечкой. Доверчивой, неосторожной. Весь мир мне желал добра. Все меня гладили и ласкали. Я могла уснуть под крылом курицы Клю, есть из одной миски с псом Верным, кататься на спине своей подружки Яшмы. Я даже не оставляла надежды подружиться с ши-

пучим гусём Гешей. Я любила солнце и дождь, меня любили весна и осень.

В тот день мир, как всегда, согревал любовью и заботой. Летом моей Матвеевне, учителю начальных классов, не нужно было по утрам спешно собираться на работу. Школьные каникулы дарили ей уйму времени для приготовления завтрака. Она приплясывала возле электроплитки, а я наблюдала за хозяйкой в ожидании, когда же она дотанцует до моей миски и покормит меня.

– Ляля, – говорила Матвеевна, наливая себе чай. – Рядом видели уличных псов с другого конца деревни. Не хочу, чтобы ты встретилась с ними. От них не знаешь чего ожидать: одни рады тебе, как родной сестре, другие пытаются за ноги прихватить, сто́ит к ним повернуться спиной. Ты с Вишней и Яшмой пока не ходи гулять за ворота. Верного с вами отпустить не могу: он на гвоздь наступил, ему нужно лапу поберечь. А ты такая маленькая, боюсь я за тебя.

Мне хотелось успокоить свою хозяйку. Я спрыгнула со стула и принялась тереться о её ноги.

Когда мы позавтракали и выпустили коров гулять, я усе-лась на забор наблюдать, найдёт ли сегодня Матвеевна яйцо, которое снесла в своём секретном месте курочка Клю.

– Ляля, ты чего расселась? Не идёшь что ли с нами? – промычала Вишня.

– Хозяйка не велит.

– Му-у-у... ладно. Не скучай без нас. Мы пошли на но-

вый луг. Быки говорят, там растёт сладкий клевер, а над ним вьётся море бабочек. Главное не увлечься и случайно не съесть этих летающих красавиц.

И мои подружки, отмахиваясь хвостами от назойливых мух, побрели по дороге.

Я спрыгнула с забора и прошлась по двору. Верный лежал в конуре и поскуливал.

– Что, болит ещё?

– Болит, милая. Но больше всего эта тряпка на лапе раздражает, – ответил мне Верный и попытался зубами стянуть бинт.

Я заглянула к курам. Довольная собой Клю кудахтала: Матвеевна так и не нашла запрытанное яйцо.

Я прошлась мимо загона, где гулял гусь. Этот вредный пернатый опять попытался ущипнуть меня за хвост. Я увернулась, зашипела на него «Хулиган!» и отпрыгнула в сторону.

Скучно.

И я решила догнать подруг, побегать на лугу за бабочками, покататься на спине Яшмы. «Надеюсь, они недалеко ушли», – подумала я, перемахнула через забор и поспешила к своим коровушкам.

Вишня и Яшма уже были далеко от дома, но их силуэты ещё хорошо виднелись на дороге. Мне нужно было немного ускориться, чтобы догнать их. Но неожиданно путь мне преградили три уличных пса: хромой рыжий, бесхвостый и

их вожак Шрам, с разорванным ухом. Может, о них говорила мне утром Матвеевна? Грязные, с царапинами на мордах, злыми глазами, порванными ушами. Мне стало их жалко.

– Чего уставилась, пушистая? Не нравимся? А вот мы не любим всяких домашних, чистеньких, сытых. Кому-то – всё, а кому-то – объедки из мусорного бака, за которые ещё и подраться надо, – прорычал Шрам.

Троица подбиралась всё ближе. Я удивилась, что не могу сдвинуться с места. От кончика хвоста до подрагивающих ушей меня обволокло неприятное чувство – будто Матвеевна меня сейчас купать будет. Стало трудно дышать, уши прижались к голове, а лапы размякли, как хлеб в воде.

Щёлк!

Где я? Где собаки? Что так отвратительно звенит? Голова болит от этого звука. Вот бы выключили его. Или он только у меня в голове? Кажется, что я падаю с небывалой высоты. Меня тянет вниз, вниз, вниз... Но тут откуда-то издалека долетел голос Матвеевны: «Ляля, потерпи, уже подъезжаем», – и остановил меня. «Ляля, скоро доктор поможет», «Я здесь, Лялечка» – эти слова, как ветер птице, на мгновения помогали мне набирать высоту. Но вновь звенело в голове – и я падала, падала, падала...

Снова кошкой я себя ощутила в кабинете нашего ветеринара Михаила Владимировича. А те псы тоже здесь? Одному из них не помешало бы ухо перевязать.

Сквозь изредка утихающий звон в голове я уловила голос

моей Матвеевны. Он был странным. Дрожащим и хлюпающим, будто она опять посмотрела тот жалостливый фильм про ждущую своего хозяина собаку. Этот звон в голове... не могу разобрать слов.

– Надежда Матвеевна, глаз был сильно повреждён. Спасти его не получилось. Я расскажу вам, как ухаживать за раной, – услышала я голос врача.

Уши и нос работали как и прежде, а вот глаза никак не хотели: будто с тех пор, как меня маленькую мама-кошка вылизывала, я и не умывалась. Глаза с трудом открывались, в нихплыли сумерки, и видела я почему-то только половину мира. Словно Матвеевна свой круглый пирог пополам разрезала – так я видела всё вокруг себя, половинкой пирога. Странно. Я приняухалась и поняла, что рядом мой Верный. Вот, наверное, зачем мы здесь: приехали ему с лапы снимать надоедливую повязку.

– Верный, как твоя сильная лапа? Теперь ты сможешь со мной и коровами гулять? – мяукнула я.

– Теперь я всегда буду рядом, даже если совсем без лап останусь, – проскулил Верный.

Я ничего не успела понять: меня подхватило облако сна, и я не стала ему противиться.

Спустилась с этого облака я уже дома, на руках спящей хозяйки. Звон в голове затих. Но ему на смену пришло урчание в животе. Казалось, я с зимы не ела. Я мяукнула, намекая хозяйке, что не время спать, когда тут кошка от исто-

щения погибает. Но вместо звонкого и изящного «мя-я-я-у» получился скрип, от которого вздрогнула и проснулась Матвеевна.

— Моя девочка, как ты меня напугала! Хорошо, что Вишня с Яшмой вовремя подросли и Верный прибежал на шум. Они тебя и спасли. Теперь у нас с тобой на двоих три глаза. Но Михаил Владимирович сказал, что у тебя крепкое здоровье. Вместе мы справимся!

Матвеевна разомкнула свои объятия и поставила меня на пол. «Три глаза на двоих?» Что бы это значило? Я решила умыться перед обедом. Лизнула лапку, провела по голове — и почему-то завалилась на бок. Хозяйка не стала вмешиваться в мою неловкую борьбу за чистоту и направилась к холодильнику, доставать вкусности для меня.

Я пошла на голос Матвеевны. Глаза всё ещё не смотрели, лапы путались и отказывались вести меня к миске. Из-за этого я не вписалась в дверной проём и стукнулась головой о косяк. Матвеевна охнула, подхватила меня и на руках перенесла к еде. Обед наполнил желудок лакомствами, а меня саму — желанием лечь к Матвеевне на руки и уснуть.

Время струилось, как вода из-под крана. Я лакала его своим шершавым языком, и моя ранка незаметно затягивалась. Все животные на ферме окружили меня заботой и удвоенной любовью. Даже Геша оставил попытки меня ущипнуть. Он с любопытством разглядывал мою мордочку и стыдливо отворачивался, будто бы случившееся было его виной. Коровы

с прежним удовольствием катали меня на спине, но боялись встречаться со мной взглядом и старательно изображали, что ничего в кошачьей внешности не изменилось. Верный, мой любимый Верный, он стал чаще меня облизывать, но и его глаза прятались. И только Матвеевна через мой единственный глаз заглядывала мне в самое сердце, улыбалась и говорила: «От того, что на небе теперь на одну звёздочку меньше, темнее мне не стало». Мой глаз щурился в улыбке, а голова натирала щёку хозяйки любовью и благодарностью.

Однажды моё наполненное нежностью сердце накрыла грозовая туча злобы.

— Геша, почему ты больше не пытаешься меня ущипнуть? Я теперь не такая гибкая и изящная? А ты, Верный? Я скусаю по твоему мудрому, полному восхищения взгляду. Ты можешь перестать меня облизывать, но взгляни на меня как прежде. Я всё та же Ляля! Просто на один глаз легче стала. Вишня, Яшма, да рассмотрите уже меня хорошенько. И не бойтесь заглянуть в мой глаз. Вы увидите в нём прежнюю любовь к вам. Я не хотела верить, что подобное может произойти с такой красавицей, как я. Бывало, что я злилась на себя, на тех собак, горевала, думала, что вот сейчас Матвеевна даст мне лекарство, помажет глаз и всё будет как прежде. Я училась попадать в дверной проём и не врезаться в углы, училась не промахиваться мимо ног хозяйки, когда прошу еду, чтобы она не охала и не делала снова эти грустные глаза, от которых мне становилось горше, чем от лекарства. Я

привыкла к себе такой, почему вы не можете? – шипела и мяукала я на весь двор.

– Мы виним себя, – проскулил Верный.

Я огляделась и увидела, как из загона высунули головы Вишня, Яшма и Геша. Вместе с Верным они виновато смотрели на меня. Я развернулась, резко подпрыгнула и ухватила за хвост зазевавшегося воробья. Прижала крепче чирикalkу лапой и сказала:

– Вам не кажется, что с одним глазом я стала ловчее и опаснее?

– Однозначно! – сдавленно чирикнул мне воробей.

Я почувствовала на себе улыбающиеся взгляды друзей, – и шарик напряжённости и недосказанности между нами тихонько сдулся. Я лизнула воробья в клюв и ослабила хватку. Он выпорхнул из-под лапы и растворился в листве берёз, – а вместе с ним растворилось чувство вины моих друзей.

С тех пор никто не боялся обнимать меня взглядом, а Геша снова при каждом удобном случае пытался меня ущипнуть. Мур».

Записывайтесь на роготочки

Лето дарило всем свои жаркие объятия. Отважный ветерок пытался остудить это пламя, но у него получалось только на мгновение отогнать мух от коровьих глаз.

Зорька и Ночка подросли и паслись со всеми. Им это очень нравилось. На лугу всегда можно было побаловаться, поиграть в догонялки, попробовать на вкус новый цветок. Если Ночке попадался горький, она звала Зорьку и предлагала ей эту «вкуснятину». Пока Зорька пережёвывала деликатесную гадость и медленно понимала, что её обманули, Ноч-

ка быстро убегала от подруги и громко хохотала.

Как-то раз на лугу два быка повздорили и выясняли, кто из них прав. А как они это делают? Бодаются! Зорька с Ночкой стояли в стороне и с опаской смотрели на схватку.

– Ноченька, посмотри, какие рога, – задумчиво сказала Зорька. – Когда же у меня такие будут?

– Мама Вишня говорит, что как начну головой о забор и деревья тереться – значит скоро рога появятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.